

**ТРИ МИСТИЧЕСКИХ ЗНАКА СУДЬБЫ: КОММЕНТАРИЙ
К ОДНОМУ ФРАГМЕНТУ «ЗАПИСОК» М.И. ГЛИНКИ³⁰**

*Матушка, со всем благочестием своим, с редким образованием и светлым разумом,
не могла отвергнуть суеверного страха, томившего ей душу с той поры,
и она уверяла меня, что не раз мрачные предчувствия
подтверждали ее загадочное видение.
Е.П. Ростопчина. Поединок [11, с. 283].*

«Записки» М.И. Глинки нельзя назвать документом, имеющим исключительно мемуарное значение. Это также и литературное произведение, во многом раскрывающее, наряду с событиями жизненной и творческой биографии, художественный, эстетический, отчасти и повседневный мир композитора. Во многом то же можно сказать и о сохранившихся его письмах. Ведь если мы рассмотрим их не просто как эпистолярное, но и как своего рода литературное целое (со своими темами и мотивами), то в этой цельности воссоздается последовательность целой цепи жизненных случайностей. Которые теперь, ретроспективно, могут пониматься и интерпретироваться нами как логичное – и единственно возможное – движение гения от вехи к вехе его творчества, через сомнения, незначительные вроде бы жизненные эпизоды, досадные и счастливые происшествия.

Как известно, в музыкальном творчестве Глинки совсем не отразился целый круг тем и образов, характерных для европейского и русского романтизма – образов мистических, потусторонних, иными словами, фантастики в «темных тонах». Подобные темы как бы заместились в его музыке сферой волшебства и фантастики сказочной, нашедшей свое выражение в опере «Руслан и Людмила». Художник светлого мировосприятия, Глинка, несмотря на нервную чувствительность и мнительность, был, в общем, чужд темных мистических настроений. Они отразились только в некоторых его камерно-вокальных сочинениях (например, это романс «Голос с того света», фантазия «Ночной смотр» на сл. В.А. Жуковского³¹).

---

³⁰ Данная статья опирается на принципы метода научного комментария, разработанного в музыковедении в трудах С.В. Тышко, С.Г. Мамаева, С.В. Куколь, посвященных комментированию текстов «Записок» М.И. Глинки (См.: [15; 16; 17]).

³¹ Стихи Жуковского в обоих случаях – переводы с немецкого. «Ночной смотр» – перевод одноименного стихотворения И.-Х. фон Цедлица; «Голос с того света» – вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Текла. Посмертный голос» из трагедии «Валленштейн».

Однако именно в «Записках» – литературном документе, содержащем все значимые факты жизненного пути композитора, непосредственно касающиеся его художественной жизни, о чем неоднократно говорил он сам, существует необычный фрагмент. Он посвящен трагическому событию и предзнаменованиям, ему предшествовавшим, – таинственным знакам судьбы, предупреждающим композитора о грядущем несчастье.

Этот фрагмент текста «Записок» (хронологически он относится к лету 1839 года) начинается в сдержанном, как бы спокойном повествовательном тоне (вспомним высказывание любимого Глинкой романтика Ф. Шиллера: «Великие души переносят страдания молча») и занимает всего шесть абзацев. Глинка излагает ряд фактов, отношение к ним и, казалось бы, закончив, переходит к дальнейшим событиям. Но в действительности, следуя некой внутренней литературной логике, завершается этот фрагмент лишь спустя несколько страниц уж вовсе фантастическим эпизодом, имеющим, как мы увидим далее, определенно не биографическое, а литературно-художественное значение.

Итак. Речь идет о трагическом событии – смерти любимого брата Андрея – и трех (что само по себе уже символично!) предшествующих этому предзнаменованиях, каждое из которых достойно того, чтобы отдельно его прокомментировать. Прежде чем перейти к комментариям, заметим коротко, что, как известно, писатели-романтики этих лет очень часто используют фантастические темы и образы в своих сочинениях (иногда фантастический сюжет в конце получает реалистическое истолкование, но часто писатель оставляет фантастическую сторону неразрешенной, как бы реально существующей, т. е. сохраняет тайну). Это касается и европейских, и русских писателей (достаточно вспомнить новеллы Э.Т.А. Гофмана, В.Ф. Одоевского, Е.А. Баратынского, Антония Погорельского, Н.В. Кукольника, и др.).

Приведем фрагмент «Записок» полностью, тем более что он очень целен.

«В августе скончался брат мой Андрей Иванович. Ему было лет шестнадцать, он был красивой наружности, чрезвычайно счастливых способностей, особенно гениального расположения к математике: теоремы геометрические мог разрешать без указания профессора. Он был первый в верховой езде в Школе Гвардейских подпрапорщиков: возвратясь из лагеря, гостил у меня на даче с неделю или две. Мы с ним очень подружились за это время.

В последний раз еще на ногах я видел его у сестры Марьи Ивановны. Когда я из квартиры Кукольников в тот же день поехал к ней, *от самого*

начала Шпалерной улицы до самого Смольного меня провожала с лаем и остервенением черная собака, она металась на одного меня так злобно, что я должен был положить ноги свои почти на шею извозчику, несмотря на то, что навстречу нам попадалось множество экипажей и телег. Я нашел брата изменившимся в лице; на вопрос мой: «Что с тобой, Andre?» – он отвечал мне: «Ничего, голова болит» [здесь и далее курсив мой. – И. Т.].

Сестра вздумала играть в карты; брат тогда поставил мне стул подле Е.К.³² Поиграв несколько, сестре вздумалось печатать письма. На столе стояли две зажженные свечи, а сестра для большего удобства зажгла еще свечу в маленьком подсвечнике. Е.К. заметила сестре, что нехорошо, когда горят три свечи на столе; не обратив внимание на это предостережение, сестра продолжала печатать и не потушила третьей свечки.

Недели за две перед тем гостила у Софьи Петровны одна знакомая; когда она для меня гадала в карты, всегда ложились все пики, так что она, наконец, стала прятать их от меня.

На другой день после свидания с братом у сестры ему сделалось хуже, а на третий день он скончался от воспаления кишок, перешедшего в антонов огонь.

Кончина брата поразила и огорчила меня несказанно. Взявши 28-дневный отпуск, в сентябре я отправился к матушке в деревню с сестрою Марьей Ивановною и дядей Иваном Андреевичем. Во время пребывания в Новоспасском я прихварывал, что впоследствии повторялось всякий раз, когда я бывал в деревне» [1, с. 92–93].

Трагическое событие потрясло композитора. Из текста «Записок» ясно, что Михаил Иванович не просто был привязан к брату, но и гордился Андреем, недаром он особо подчеркивает его способности к математике – предмету, к которому сам Глинка был склонен еще в пансионе. Для композитора вообще значимость семейного родства предельно высока; заметим, что на склоне жизни он, например, очень болезненно переживает ссоры сестер и через Л. Шестакову всячески способствует их примирению; также, его письма к матери – свидетельство не просто любви, но настоящего сыновнего почтения, уважения и категорической невозможности нарушить ее волю.

В этой цепи предзнаменований судьбы – трех ее знаков, – на первый взгляд, нет ничего удивительного. Ведь вера в возможность предвестия драматических жизненных событий для романтиков этого времени характерна. А три предзнаменования – это еще, к тому же, очень «по-русски».

---

³² Е. К. – Екатерина Ермолаевна Керн.

Однако подчеркнем. Во-первых, в «Записках», как известно, Глинкой изложены все наиболее значимые события его жизненного пути, следовательно, ситуация предзнаменования воспринимается им и на склоне жизни как момент особый. Во-вторых, этот момент «Записок» – как литературного целого, – и нами понимается, все же, как определенное исключение, поскольку он единственный в своем роде, ведь и сам тон изложения, и пересказ подобных происшествий, Глинке ни прежде, ни впоследствии, не свойственны. Т. е. дело здесь не в самих знаках судьбы, а в том, что, подтвержденные дальнейшими событиями, они производят на композитора очень сильное впечатление. И, с одной стороны, такое к ним отношение свойственно романтическому мировосприятию, с другой – именно этот период жизни имеет особое значение в судьбе композитора, о чем будет сказано позже. Итак, напомним последовательность изложения событий: странное, полужантаслическое происшествие на улице – дурная примета в доме – карточное гадание – смерть брата.

Начнем с приметы.

Народные приметы, связанные со свечами, очень часто имеют негативную окраску. Огонь в славянской мифологии (и в целом в народных представлениях) наделяется амбивалентной силой – и разрушительной, и спасительной. Огонь в доме, например, требует к себе особого, уважительного отношения, здесь существует множество ограничений на действия, которые с ним совершать нельзя.

В книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» эта примета приводится: три свечи на столе – к покойнику³³.

Со свечами связано множество поверий, имеющих не всегда ясное происхождение, однако свеча – обязательный атрибут всех семейных обрядов русских крестьян. Например: воск, оплывающий вокруг свечного фитиля – это могильный саван, предвещающий смерть в семье; если свеча горит синим пламенем, это знак, что в доме или недалеко от дома вьется дух умершего; театральное суеверие, связанное со свечами, гласит, что ни в каком случае не следует зажигать в уборной три свечи одновременно, и т. д.

С.В. Максимов, широко известный в России прошлого века исследователь, изучавший жизнь русского народа, в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» подчеркивает, что у славян издавна укрепился культ почитания огня. Существовала масса «суеверий, не поддающихся никаким влияниям и внушениям и уживающихся рядом с христианскими верова-

---

³³ См.: Даль В.И. «Пословицы русского народа» / http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs

ниями» [7]. Однако можно предположить, что данная примета не относится исключительно к русской культуре, хотя ее истоки в культуре славян очевидны.

Итак, здесь мы имеем дело с упоминанием о примете из древних славянских верований, которые являются частью архаических представлений о законах мира потустороннего. В данном случае эта примета напоминает возлюбленной Глинки, Е. Керн, и тем более он верит.

А здесь несколько отвлечемся от повествования и добавим, что еще одна примета, но позднее, снова явится предвестником рокового события в жизни Глинки – смерти матери. Потрясение от этого известия для человека нервно-возбудимого склада выразится даже в физических ощущениях – онемении правой руки, которой Глинка взял письмо, да еще и ровно через сутки после его получения³⁴.

Предзнаменование, связанное с карточным гаданием, относится уже не к сфере народных верований, ведущих свое начало еще из языческой древности, а к культуре более поздней и в данном случае связано с современной Глинке эпохой, имеющей повышенный интерес и к карточным играм, и к карточным гаданиям. Ю.М. Лотман подчеркивает такие важные для русского дворянина мотивы, как испытание судьбы в карточной игре, дерзкое столкновение с ней [6]. Что касается гаданий на картах, то это целый пласт европейской и русской культуры быта. Заметим, что и до сегодняшнего дня карты в гадании сохранили свое значение и смысл. Так, пики (своего рода обращенная червовая масть) традиционно имеют в гаданиях негативное значение. Здесь достаточно вспомнить «Пиковую даму» Пушкина и эпитафию к ней: «Пиковая дама означает тайную недоброжелатель-

---

³⁴ «Разом 2 письма предвещают недоброе», - замечает Глинка в Варшаве, когда Дон Педро подает ему два письма из деревни. И действительно, в письме сообщается о смерти матери. Находя утешение для себя, Глинка пишет: «она, как праведница, угасла от старости. Известие это поразило меня, но я не плакал». И далее: «На другой день после обеда, в большом и указательном пальцах правой руки, которыми я взял роковые письма из рук Педро, в то самое [время], когда Педро принес их мне накануне, почувствовал я слабость, и как бы полза[ли на] них мурашки, и через несколько минут правая рука ослабела до того, что я не мог почти владеть ею. Доктор мой Мориц Вольф уверил меня, однако же, что это было временное нервное раздражение, – слова его впоследствии оправдались» [1, с. 138]. Эта примета в книге В. Даля также упоминается. Добавим, что у Глинки существуют и личные приметы, которых он на протяжении всей жизни придерживается. Так, например, в письме К.А. Булгакову от 20 марта 1856 года, композитор замечает: «не отвечал же сейчас потому, что по наследственному от отца предрассудку по понедельникам ничего не предпринимаю» [3, с. 114].

ность. Новейшая гадательная книга» (т. е. Пушкин приводит здесь семантическое значение карты, используемое в гадании, а не в игре) [10, с. 317].

Если мы перечислим достаточно схематично значения карт (туз – печальное письмо, известие о смерти; король – враг; дама – злая женщина, сплетница; валет – сплетни, неприятные хлопоты; десятка – болезнь; девятка – потеря друга; восьмерка – измена, печаль; семерка – ссора; шестерка – несчастливая дорога, поздняя дорога), то увидим, что именно эта масть в гадании всегда имеет исключительно негативную окраску.

Интересное замечание находим у Ю.М. Лотмана о смысле карт в этот исторический период: «Подобно тому как в эпоху барокко мир воспринимался как огромная созданная Господом книга и образ Книги делался моделью многочисленных сложных понятий (а попадая в текст, делался сюжетной темой), карты и карточная игра приобретают в конце XVIII – начале XIX в. черты универсальной модели – Карточной Игры, становясь центром своеобразного мифообразования эпохи. ...Карты – определенная культурная реалья. Однако сочетание их внутренней, имманентной организации, их функции в обществе определенной эпохи и тех историко-культурных ассоциаций, которые воспринимались как содержательные аналоги карточной игры, превращали их в семиотический факт» [6, с. 390–391]. Что касается гадания, то Ю.М. Лотман подчеркивает: «В этой их ипостаси активизируются иные функции: прогнозирующая и программирующая. Одновременно выступает на первый план иной тип моделирования, при котором активизируется семантика отдельных карт» [6, с. 392].

Гадания – неотъемлемая часть русской культуры быта того времени. Из упоминания о гадании в «Записках» Глинки ясно, что эта ситуация во все не является исключением и, по-видимому, такие гадания были достаточно часты в повседневной жизни его круга.

Здесь мы подходим к третьему предзнаменованию, являющемуся на наш взгляд наиболее интересным.

С одной стороны, эта ситуация связана с представлениями о нечистой силе, принимающей облик различных животных черного цвета, в которых воплощаются черти. Так, С.В. Максимов пишет: «Все прямые отношения нечистой силы к человеческому роду сводятся к тому, что черти либо проказят, прибегая к различным шуткам, которые у них, сообразно их природе, бывают всегда злы, либо наносят прямое зло в различных его формах... Для облегчения своей деятельности, во всех ее направлениях, дьявольская сила одарена способностью превращений...» [7]. И далее: «Всего чаще черти принимают образ черной кошки... Не менее того черти облюбовали образ черной собаки...» [7].

Образ предвестника смерти характерен не только для славянской мифологии (не принимая во внимание общую семантику цвета, когда персонажами мистическими, так или иначе связанными с миром фантастическим или потусторонним, выступают живые существа черного цвета – курица, кот и т. д.), он является неотъемлемым персонажем преданий разных народов. Однако интересно, что еще более значимым образ черного пса является вовсе не в славянском, а в английском фольклоре.

С черным псом связаны наиболее широко распространенные английские легенды; в различных графствах и провинциях он известен под разными именами. Т. е. это не просто образ черта вообще: в английском фольклоре он выражен конкретными персонажами.

В книге «Исследуя призрачную черную собаку», английский автор и исследователь Боб Трабшоу писал: «Почему зловещий пес из “Собаки Баскервилей” Артура Конан Дойла представляет собой столь яркий и даже архетипический образ? В своем творчестве Конан Дойл обращался к народной вере жителей Дартмура в призрачных черных собак. Предания о таких зверях характерны для всей Великобритании, и хотя бы один пример подобной легенды можно встретить практически в каждом английском графстве» [14].

И далее: «В Суффолке черная собака становится “Старым Шоком” (что, вероятно, происходит от староанглийского слово *scussa*, которое переводится как “демон”»)» [14].

В английском фольклоре собаку называют по-разному, от Блэк Чака в Восточной Англии до Маунти Дог на Острове Мэн. Призрачная черная собака британского и ирландского фольклора, которая часто предупреждает о смерти, в то же время является частью международной веры, что собаки чувствительны к призракам и надвигающейся гибели³⁵.

Так, В. Кандыба в исследовании «Энциклопедия загадок и тайн. Чудеса вокруг нас» приводит такие, уже близкие к современности, данные, которые свидетельствуют о закреплённости этих легенд в культуре и по сей день: «В книге “Фольклор графств Англии”, в томе, посвященном Сомерсету, содержится упоминание о “черной собаке”, чей призрак появлялся на дороге, ведущей из Сент-Одрис к Перри-Фарм, причем двум мест-

---

³⁵ Интересные сведения о существе, называемом Баргест, находим в книге: Катарин Бриггс. Эльфийский словарь / [Пер. С. Печкина]. – 1998–2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kk.convdocs.org/docs/index-183105.html?page=2>. Баргест «может принимать различные обличья, но чаще всего является в виде лохматого черного пса с огромными горящими глазами. Обычно его считают приметой смерти».

ным жителям она явилась в 1960 г., как раз накануне их смерти. Сияние, исходившее от многих “черных собак”, и беды, которые, как полагали, они приносили, привели к тому, что их стали считать либо воплощением самого дьявола, либо кого-нибудь из его свиты». И далее: «Во многих случаях “черных собак” считали родственниками колдуний или волшебниками, принявшими облик животного. К. Уилтшир, которая в своей книге об уилтширских легендах (“Духи и легенды Уилтширского края”, 1973 г.) приводит около сорока сообщений о “черных собаках”, пишет, что ей приходилось слышать, будто норфолкские ведьмы до сих пор могут создавать такие существа с глазами-блюдцами концентрацией мысли» [5].

Кстати, то, что в этом отдельном фрагменте «Записок» сочетается момент фантастики со вполне реалистической жизнью, вызывает ассоциации со стилем мышления Т.Э.А. Гофмана. Так, Ю.В. Манн подчеркивает, что Гофман разработал «принцип двойственной, или завуалированной, фантастики» [8, с. 223]. И далее цитирует высказывание о немецком писателе В.Ф. Одоевского: «Гофман нашел единственную нить, посредством которой этот элемент может быть в наше время приведен в словесное произведение. Его чудесное всегда имеет две стороны: одну чисто фантастическую, другую – действительную...» [Цит. по: 8, с. 223].

Или, например, у Гоголя встречаются сюжеты «вмешательства животных в действие», – замечает Ю. Манн, приводя далее данные из книги А. Афанасьева: «Пугая по ночам людей, ведуны и ведьмы бегают в виде свиней, собак и кошек» [Цит. по: 8, с. 251]. «Эти воззрения, – утверждает исследователь романтизма, – щедро питали романтическую литературу. У Гофмана в «Золотом горшке» кот – верный помощник старухи-ведьмы. В «Изабелле Египетской» Арнима, собака Беллы – вместилище злого духа». И далее: «У Гоголя в «Вечере накануне Ивана Купала» ведьма превращается в кошку» [8, с. 251]. И, добавим мы, в «Лафертовской маковнице» Антония Погорельского черный кот – верный помощник старухи-колдуньи, принимает облик мужчины, выполняя ее волю. Этот список можно продолжать. «Бес может явиться в образе зверя, змея, черного пса, медведя, волка...», – подчеркивается в словаре «Славянская мифология» [13, с. 49]. Вообще, эта его способность «превращаться в черную кошку, собаку, свинью, змею» [13, с. 391] – одна из тем и западноевропейской, и русской фантастической прозы этого времени, сказочный сюжет, который бесконечно варьируется. Наконец, вспомним, что и гетевский Мефистофель явился Фаусту в образе черного пуделя.

То есть в этом фрагменте «Записок» Глинка затрагивает целые культурные пласты – от народных старинных верований (заметим: разных на-

родов, не только славянских, причем, имеющих множество различных национальных оттенков) до современных ему романтических художественных вымыслов и фантазий, многократно воплотивших эти образы и придавших им новые смысловые импульсы. А какие именно фольклорные представления легли в основу этого фрагмента «Записок» Глинки – можно только предполагать.

А мы продолжим.

За этими предзнаменованиями в жизни Глинки последовала цепь трагических и драматических событий – смерть любимого брата, разрыв с женой и продолжавшийся долгое время болезненный бракоразводный процесс, осуждение света, в результате которого Глинка вынужден был целый месяц не выходить из дома, опасная болезнь возлюбленной композитора Е. Керн. И в целом для него начинался длительный сложный жизненный этап, положивший начало постепенно формирующимся в его высказываниях темам разочарования, тоски, а потом и смирения с судьбой, которые звучат уже определенно в поздние годы.

Этот период становится своего рода разделительной полосой в биографии Глинки – между этапом композиторского взлета, всеобщего признания после создания «Жизни за царя», иллюзии полноты семейного счастья и благополучия, надежд на будущее – и началом нового, связанного с постепенно нарастающим разочарованием в возможности семейного счастья (позже и с Е. Керн), отчуждением от света, ощущением того, что его творчество преимущественно не понято и не оценено, мотивов бегства из Петербурга, ностальгии по России. И с достижением новых композиторских вершин... Именно поэтому, думается, сам Глинка, отчасти осознавая особую значимость в его судьбе этого небольшого временного отрезка, меняет в «Записках» тон и стиль изложения. Именно поэтому здесь появляются судьбоносные знаки, вообще связанные у романтиков с незримыми путями провидения, порой неожиданно все меняющего и будто заново определяющего дальнейший путь художника. Это, видимо, ощущает и сам Глинка, констатируя в письме матери от 24 ноября 1839 г. из Петербурга: «Нынешний год был для меня *самый горестный и трудный в моей жизни. Судьба и доселе не перестает наносить тяжкие удары моему сердцу* [курсив мой. – И.Т.]... стараюсь быть достойным вас, я подражаю вам по возможности сил моих и, *предавшись воле провидения, не ропщу на людей и обстоятельства*. В это короткое время я узнал жизнь более, чем в течение всего остального времени, и если большая часть людей, носивших имя

родных и друзей, оставили меня, зато я приобрел немногих, но искренне преданных мне доброжелателей»³⁶ [2, с. 93]. Комментарии излишни.

Но чем же завершается комментируемый фрагмент «Записок»? После увольнения со службы Глинка целый месяц не выходит из дома. Он живет у Степанова и рисует, – «деревья в особенности», – с его младшим братом Владиславом [1, с. 95]. Здесь же он упоминает о комнате, разрисованной «чертовщиной и карикатурами на шахматном белом и черном поле самим Николаем Степановым», которая «отдана им была на время одному из офицеров л.-г. Егерского полка» [1, с. 95] (вот снова *чертовщина!*). Эта комната вновь появится в повествовании через несколько страниц; тогда ее пространство станет странным отражением внутреннего – полуреального, полуфантазмагорического состояния Глинки: «Когда, бывало, ночью каретка своими фонарями освещала постепенно мгновенным светом мою комнату, странные фигуры мелькали одна за другой, а казалось, что стоящая на печке мертвая голова насмешливо улыбалась. Мне, по крайней [мере], часто казалось, что она смеялась над моими страданиями, тогда я спал дурно и часто предавался печальным размышлениям о судьбе своей. Несмотря на это болезненное расположение духа, я продолжал писать оперу» [1, с. 100]. Этот фантастический, почти визуальный образ (в особенности, парадоксальное сочетание: «постепенно» – и «мгновенным светом»), не имеет информативного, биографического значения: исключительно художественное. И включение такого эпизода – чем не литературный прием, навеянный романтической новеллистикой?

Подытожим. Даже на примере этого небольшого фрагмента «Записок» мы видим, как в мировосприятии Глинки (а, следовательно, и в его литературном стиле), соединены представления из различных культурных пластов, связанные со славянской архаикой, древними поверьями, современной ему культурой быта с его верой в гадания, мистику, сказками и

---

³⁶ Е.А. Глинка в письмах этого периода к его сестре Марии Стунеевой, ее мужу, Д.С. Стунееву, неоднократно высказывает свое беспокойство по поводу сына, Михаила Ивановича: «я как-то непокойна насчет Миши». И далее: «Не оставляйте моего Мишеля, кажется, он из худшего сделал лучшее. Но я *непокойна, сама не понимаю чем* [курсив мой. – *И.Т.*]» (23 ноября 1839 г.) [9, с. 48]. Или: «Вот к вам и Миша мой, недолго ли, как и что – не знаю. В случае нужды побереги его, он добрый, но несчастный горемыка. Что с ним будет и как, ничего не знаю, и за него болит душа моя» (конец апреля – начало мая, 1940 г.) [9, с. 76]. Из этих отрывков видно непреходящее беспокойство матери по поводу неопределенности будущего сына в эти годы, причем, беспокойство не только рациональное, но и с оттенком иррациональности: «непокойна, сама не понимаю чем»....

фольклором разных стран, европейской романтической фантастикой. Его повседневное и художественное восприятие мира складывается из мифологических древних культурных представлений, имеющих и общеевропейское, и мировое значение, из культурных знаков разных эпох, из знаний и верований современности. Это заметно не только на уровне тематики и образов, но и прочитывается в манере изложения. Тем более что Глинка излагает факты достаточно просто, без объяснений. Этот эстетический сплав дополняется повышенной нервной чувствительностью и впечатлительностью. А творческим итогом ближайших лет станет опера «Руслан и Людмила», музыкальное воплощение синтеза русской архаики, западноевропейских стилевых традиций, пластов современной ему городской вокальной культуры, сказочно-восточной экзотики [См.: 18]; как видим, не только музыкальный, но и художественно-литературный мир Глинки многообразен и синтетичен.

И, чтобы не заканчивать повествование о драматическом сюжете жизни Глинки на печальной ноте, обратимся снова к его «Запискам». Сам Глинка – как настоящий романтик и художник светлого мироощущения, часто использует в своих текстах – и в «Записках», и в письмах, – один тот же стилевый прием. Он чередует моменты печали и шутки, сопоставляя их, и тем самым создавая ощущение контраста, одновременного существования обоих полюсов жизненных настроений («все в жизни контрапункт...»). Так происходит и здесь. Этот сюжет – и весь Период 8 «Записок» – завершается появлением в повествовании еще одной собаки (совпадение?), но уже в анекдотическом, сниженном варианте: у жившего на тот момент в комнате, «разрисованной чертовщиной и карикатурами», офицера, «была бульдожка, которая вела себя нехорошо, так что каждое утро употребляли скребницу для очищения комнаты, а потом на той же скребнице курили, чтобы уничтожить зловоние» [1, с. 95]. Так этой комической, ничего не значащей зарисовкой Глинка уводит читателя от трагедии: черный пес как вестник смерти – и на противоположном смысловом полюсе непослушная бульдожка...

В заключение, добавим. На полях «Записок» Н.В. Кукольник приписывает к истории с бульдожкой комментарий: «К чему это нужно?». Здесь же сохранился и ответ Глинки: «А почему бы и нет?»... [1, с. 95].

1. Глинка М.И. Записки / М.И. Глинка / Подготовил А.С. Розанов. – М. : Музыка, 1988. – 222 с.
2. Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка / М.И. Глинка / Подготовили А.С. Ляпунова и А.С. Розанов – М. : Музыка, 1975. – Т. IIА : Письма 1822–1853. Документы. – 415 с.

3. Глинка М.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка / М.И. Глинка / Подготовил А.С. Розанов – М. : Музыка, 1977. – Т. ПБ : Письма 1854–1857. Письма Глинке. – 397 с.
4. Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века / [Сост. И.С. Ковалева. Вст. ст. Ю.В.Ковалев]. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 496 с.
5. Кандыба В. Энциклопедия загадок и тайн. Чудеса вокруг нас / В. Кандыба. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belsu.narod.ru/kand/index.html>.
6. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю.М. Лотман. Избранные статьи : в 3 т. – Т. II. – Таллинн, 1992. – С. 389–415.
7. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Санкт-Петербург : ТОО «Полисет», 1994 / С.В. Максимов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikisource.org/wiki>.
8. Манн Ю.В. Эволюция гоголевской фантастики / Ю.В. Манн // К истории русского романтизма. – М. : Наука, 1973. – С. 219–259.
9. Письма Евгении Андреевны Глинки / [Вступление, подготовка текста и комментарии Н.В. Деверилиной]. – М. : ГЦММК им. М.И. Глинки, Изд. «Дека-ВС», 2004. – 114 с.
10. Пушкин А.С. Пиковая дама / А.С. Пушкин / Полное собрание сочинений. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 6 : Художественная проза. – С. 317–356.
11. Ростопчина Е.П. Поединок / Е.П. Ростопчина / Русская романтическая новелла / [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и прим. А. Немзера]. – М. : Художественная литература, 1989. – 384 с. (Классики и современники. Русская классическая литература). – С. 229–296.
12. Русская романтическая повесть (первая треть XIX века) / [Составление, общая редакция, вступительная статья и комментарии В.А. Грихина]. – М. : Издательство Московского университета, 1983. – 480 с.
13. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Эддис Лак, 1995. – 416 с.
14. Трабшоу Боб. Черные псы в фольклоре / Боб Трабшоу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nataliacharif-bc.com/2012/10/blog-post_13.html.
15. Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. I. Украина / С.В. Тышко, С.Г. Мамаев. – К., 2000. – 221 с.
16. Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. II. Глинка в Германии или Апология романтического сознания / С.В. Тышко, С.Г. Мамаев. – К., 2002. – 508 с.
17. Тышко С.В., Куколь Г.В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. III. Путешествие на Пиринеи или Испанские арабески / С.В. Тышко, С.Г. Куколь. – К., 2011. – 544 с.
18. Тышко С.В. Проблема национального стиля в русской опере. Глинка. Мусоргский. Римский-Корсаков. Исследование. / С.В. Тышко. – К., 1993. – 120 с.

Тимченко-Быхун Инна. Три мистических знака судьбы: комментарий к одному фрагменту «Записок» М.И. Глинки. Статья представляет собой комментарий к одному фрагменту «Записок» М.И. Глинки, при этом его воспоминания рассматриваются не только как биографическое, но и как литературное сочинение. Смерти младшего брата композитора предшествовали три предзнаменования, которые Глинка излагает в «Записках»; этот эпизод занимает всего шесть абзацев. Он привлекает внимание тем, что является нехарактерным для стиля «Записок» в целом по тематике и по манере писательской речи. Однако, в результате исследования мы приходим к выводу, что предсказания и отношение к ним композитора вписываются в русскую и европейскую культуру того времени, а этот период сыграет особую роль в судьбе композитора.

Ключевые слова: «Записки» и письма М.И. Глинки, литературный стиль, романтические фантастические образы, романтическая новеллистика, народные приметы и верования, карточное гадание.

Тимченко-Быхун Инна. Три містичних знака долі: коментар до одного фрагменту «Записок» М.І. Глінки. Стаття є коментарем до одного фрагменту «Записок» М.І. Глінки. При цьому його спогади розглядаються не лише як біографічний, але і як літературний твір. Загибелі молодшого брата композитора передували три передвістя, які Глінка наводить у «Записках»; цей епізод займає усього шість абзаців. Він привертає увагу тим, що виявляється нехарактерним для стилю «Записок» в цілому за тематикою та манерою письменницької мови. Однак, у результаті дослідження ми приходимо до висновку, що передвістя та відношення до них композитора вписуються у російську та європейську культуру того часу, а цей період зіграє особливу роль у долі композитора.

Ключові слова: «Записки» та листи М.І. Глінки, літературний стиль, романтичні фантастичні образи, романтична новелістика, народні прикмети та вірування, карточне гадання.

Timtschenko-Bichun Inna. Three mystical sign of destiny: a comment on one-shot «Notes» M. Glinka. The article is a commentary on one-shot «Notes» M. Glinka, with its memories are viewed not only as a biographical, but also as a literary work. Younger brother of the composer 's death was preceded by three omens that Glinka sets out in «Notes», this episode is only six paragraphs. It draws attention to what is not typical of the style of «Notes» as a whole on the subject and the manner of writing the speech. However, as a result of the study, we conclude that the predictions, and the composer's attitude

towards them fit in Russian and European culture of the time, and that time will play a special role in the life of the composer.

Keywords: «Notes» and the letter M. Glinka, literary style, romance, fantasy images, romantic short stories, popular superstitions and beliefs, card divination.